

Какие изменения в музыке тебя бы порадовали?

Я хочу, чтобы больше голосов были услышаны. Я первая уроженка Шри-Ланки, которой удалось подняться и что-то сказать, и было бы круто, если бы появились люди вроде меня — из стран третьего эшелона. Девяносто девять процентов моих соотечественников, которые могли бы заниматься музыкой, этого не делают, потому что им сложно представить их опыт — не топ, не хип-хоп — в популярном контексте. Я, например, пишу клубную музыку, основная часть которой — это что-то типа «жопа, жопа, сиськи, сиськи, жопа, сиськи», так что на первых порах мое желание говорить о реальных вещах принесло мне уйму проблем.

И даже сейчас многие журналы говорят: «О'кей, мы поставим тебя на обложку», — но только из каких-нибудь антирасистских соображений, что подрывает мои планы. Моя позиция совсем другая: «Ты можешь быть из Шри-Ланки, ты можешь быть беженцем и ты можешь быть клевым».

Как может измениться музыкальный бизнес через десять или двадцать лет?

Он уже меняется. У американских инди-лейблов, вероятно, все будет хорошо — сейчас, если ты не подписан мейджором в США, тебе будет непросто, и я думаю, что эта ситуация должна измениться. Она или изменится, или изменит политику мейджоров — и то и другое было бы неплохо.